

9. Strahov, N.N. Ob osnovnyh ponyatiyah psihologii [Elektronnyj resurs] / N.N. Strahov // Filosofskaya kul'tura : zhurn. rus. intelligencii. – 2005. – № 3. – С. 1-34.
10. Strahov, N.N. Ob osnovnyh ponyatiyah psihologii i fiziologii [Tekst] / N.N. Strahov. – 2-e izd. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevyh, 1894. – 317 s.
11. Strahov, N.N. Filosofskie ocherki [Tekst] / N.N. Strahov. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevyh, 1895. – XVI, 530 s.
12. Cekhmistro, I.Z. Holisticheskaya filosofiya nauki [Tekst] : ucheb. posobie / I.Z. Cekhmistro. – Sumy : Univ. kn., 2002. – 364 s.
13. Bohm, D. Hidden variables and the implicate order [Electronic resource] / D. Bohm // Quantum Implications: essays in honour of David Bohm / eds.: B.J. Hiley, F.D. Peat. – Methuen, 1987. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=547779>.
14. Herbert, N. Quantum Reality: beyond the new physics [Electronic resource] / N. Herbert. – Garden City, N.Y. : Anchor Press, 1985. – Mode of access: <http://bookre.org/reader?file=1437237&pg=0>.
15. Wheeler, J.A. Genesis and Observership [Text] / J.A. Wheeler // Foundational problems in the special sciences. – Dordrecht, 1977. – P. 27.

УДК 140.8(091)

Маслобоева О.Д.

*Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия*

ОРГАНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Н. СТРАХОВА

Аннотация. В статье раскрывается содержание творчества Н.Н. Страхова в аспекте теоретического обоснования актуальности мировоззренческой трансформации XIX в., заключающейся в переходе от механически созерцательного к органически деятельностному типу мировоззрения. Стремление русского мыслителя соединить свои духовные мировоззренческие запросы с теоретической грамотностью способствовало формированию органически космического мировоззрения, адекватного отечественной ментальности и вызовам эпохи, как текущим, так и грядущим.

Ключевые слова: органическое и механистическое мировоззрение, деятельностный и созерцательный типы мировоззрения, органические категории, философия и наука, позитивизм и российский органицизм, принцип всеобщности жизни.

Masloboeva Olga D.

*St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia*

THE ORGANIC THEORY IN THE CREATIVITY OF N.N. STRAHOV

Abstract. The article reveals the content of creativity by N. N. Strakhov in the aspect of theoretical substantiation of the worldview transformation in the XIX century, which consists in the transition from the mechanically contemplative to the organically active type of worldview. The desire of the Russian thinker to combine his spiritual worldview with theoretical literacy contributed to the formation of an organically cosmic worldview adequate to the national mentality and the challenges of the era, both current and future.

Key words: organic and mechanistic worldview, activity and contemplative types of worldview, organic categories, philosophy and science, Positivism and Russian organicism, the principle of universality of life.

Для возбуждения интереса западных философов к русской философии следует умело показывать теоретическое содержание последней.

А. Валицкий

Профессиональная философия характеризуется теоретической рефлексивностью мировоззрения, выполняя тем самым свою фундаментальную функцию – способствовать зрелости самосознания социального субъекта в соответствии с вызовами эпохи, причем как текущими, так и грядущими. Инструментами построения любой теории выступает понятийно-категориальный аппарат. Сложность построения философской теории обусловлена, с одной стороны, ее универсальностью и, соответственно, умозрительностью, а с другой стороны, мировоззренческой предметностью. К сожалению, теоретический профессионализм - не столь частый феномен в философствующей среде. Занятие наукой помогает дисциплинировать ум в теоретическом отношении. Но сосредоточенность сугубо на теоретических построениях способна суживать мировоззренческий горизонт и приводить к утрате полнокровной жизненности внутреннего мира человека, особенно в плане единства рационального и иррационального мировосприятия.

Николай Николаевич Страхов – тот редкий тип мыслителя, который смог гармонизировать в своем сознании теоретическую четкость мысли и глубину мировоззренческой рефлексии в единстве художественно-эстетического, нравственно-этического, религиозного, политико-правового и научного восприятия жизни. Сформировав для себя в отчем доме и костромской семинарии религиозно-философскую систему ценностей, Страхов оказывается в атмосфере нигилизма, дух которого господствовал в Петербургском университете. Он не избирает путь догматического отстаивания своего мировоззрения, а, отвечая на вызовы своего времени, погружается в глубины естествознания как авторитетный источник решения насущных проблем. Впоследствии, вспоминая об этом этапе своей жизни, Страхов напишет: «Отрицание и сомнение, в сферу которых я попал, сами по себе не могли иметь большой силы. Но я тотчас увидел, что за ними стоит положительный и очень твердый авторитет, на который они опираются, именно – авторитет естественных наук. Ссылки на эти науки делались беспрерывно; материализм и всяческий нигилизм выдавались за прямые выводы естествознания. И вообще твердо исповедывалось убеждение, что только натуралисты находятся на верном пути познания и могут правильно судить о самых важных вопросах. Итак, если я хотел “стать с веком наравне” и иметь самостоятельные суждения в разногласиях, которые меня занимали, мне нужно было познакомиться с естественными науками» [6, с. 11]. Таким образом, в деле защиты своих религиозно-философских идеалов,

сфокусированных на Святость, он будет опираться на науку, в которой также узрит «святое дело». Эта сторона творчества Николая Николаевича закладывала историческую тенденцию синергии религиозно-философского и научного мировоззрения, значимость которой в культуре постоянно нарастает, о чем, в частности, свидетельствует первое пленарное заседание состоявшегося недавно XXIV Всемирного философского конгресса [см. 16].

Но в отличие от современников – естествоиспытателей Страхов в своей рефлексии идет глубже, раскрывая - как первопроходец - философские основания науки: «Значение же, которое приобрело изучение природы в последние столетия, должно быть предписано философскому перевороту в умах, и философия содержит в себе глубочайший смысл этого изучения» [11, с. 8]. Осознавая потребность XIX в. в философии науки и вступая в полемику с позитивистами, презентировавшими «позитивную философию» как «общую науку», он утверждает, что «нельзя считать натуралистов философами, и одностороннего взгляда, который неизбежно у них развивается, нельзя принимать за философию. Все это совершенно понятно для знакомых с философией. Вообще заметим, чтобы отличить какие бы то ни было умственные явления от философии, для этого, очевидно, нужно знать философию, нужно философствовать. Чтобы говорить о философии, точно также нужно знать философию, нужно философствовать. Как ни просты эти истины, их беспрерывно забывают. Большею частью о философии знают только, что она темна, т.е. ее не знают, и однако же берутся судить о ней» [там же]. Интеллектуальная интуиция на необходимость четкой демаркации философии и науки при полном понимании их взаимообусловленности как сообщающихся сосудов, опять-таки по всей видимости, была обусловлена личностной потребностью защиты собственных идеалов единства Блага, Истины во всех ее рациональных и иррациональных проявлениях, Красоты и Святости. Таким образом, занявшись естествознанием только потому, что он видел в науке потенциальную опасность поколебать его первоначальные этические и религиозные воззрения, Страхов становится профессиональным ученым и философом одновременно. В одном из своих писем М.Н. Каткову он напишет впоследствии: «Вы называете меня мыслителем. В какой бы малой степени я не обладал этим свойством, у меня есть драгоценное пособие, которое, я надеюсь, спасет это свойство от бесплодия и от искажения. Это пособие в том, что я натуралист. В своей сфере, которую я занимаюсь, т.е. в философии природы, это очень важно. В моих статьях нет ошибок против естествознания, которые так портят иногда прекрасные философские исследования...» [8].

Как философ науки Страхов прекрасно понимал, что плодотворность профессиональной интеграции науки и философии достижима на основе теоретической грамотности. В этой связи он пишет в работе «О вечных истинах»: «По-моему, нет ничего хуже путаницы, когда человек не отдает себе отчета в том, что говорит и думает, когда он свободно носится по всяким ветрам, и в голове его собирается самый пестрый и разнообразный сор. Нередко это называется просвещением, любознательностью, ученостью,

но, в сущности, это хуже всякого невежества. Против этого зла существует одно средство: постараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будем строго различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем. Другого спасения от путаницы быть не может» [10, с. 57-58]. Призыв Страхова мыслить строго, отчетливо, различать категории, принципы и методы, чтобы не было никакой путаницы, актуален, увы, и сегодня. Целью своей основной работы «Мир как целое» автор определяет «вносить мышление в приемы изучения природы» посредством философского метода «*ставить и развивать понятия*» [12, с. 76]. Осмысленности и отточенности категориального аппарата Страхов придавал особое значение, видя в этом необходимое условие построения истинного теоретического знания. Философия, по его убежденности, делает осознанным то, что творится «скрытую силою духа» и тем самым «высокое философское творчество» бессознательно управляет развитием языка [9, с. 88-89]. Н.Н. Страхов постоянно подчеркивал, что неотрефлексированность категориального аппарата выступает принципиальным тормозом на пути профессионального развития как науки, так и философии.

Именно стремление соединить свои духовные мировоззренческие запросы с теоретической грамотностью наполнило творчество Н.Н. Страхова стремлением сформировать целостное мировоззрение, адекватное вызовам эпохи и отечественной ментальности одновременно. Это целостное мировоззрение может быть названо *органически деятельностным*. Выдвигая данный тезис, мы в основном солидаризируемся с исследователем, особенно сосредоточенным на философии Н.Н. Страхова, – это Н.В. Снетова, которая в одной из своих статей пишет: «Если все-таки пытаюсь дать оценку Страхову как философу, искать целостности в его философских воззрениях, то думается, эта целостность есть. Состоит она в *органическом понимании* им явлений, существующих в мире. Оно проводится отечественным мыслителем фактически во всех разделах философского знания, к которым он обращается. И поэтому Страхова как философа можно отнести к определенному направлению в отечественной философии, а именно к органицизму» [7, с. 12]. Как представляется, необходимо добавить к этой характеристике такой принципиальный сюжет как *деятельностное содержание органического миропонимания* Н.Н. Страхова. Что это означает?

Дело в том, что органическое мировоззрение было присуще ранним цивилизациям и отрефлексировано по-своему в античной философии как «здоровом детстве» нашей цивилизации. Этот период Н.А. Бердяев обозначает как первую «природно-органическую» и «растительную» стадию в истории человечества [1, с. 8]. Но там оно было наполнено созерцательным контекстом, поскольку выражалось космологически в идее предустановленной гармонии между микрокосмом и макрокосмом как равнозначными мирами. В последующие эпохи истории культуры органическое мировоззрение постепенно сошло на нет, уступив доминированию механистического мировоззрения. В результате промышленной революции в XIX в. в силу индустриализации и научно-

технологического освоения все более мощных искусственных источников энергии возрождается потребность в органическом мировоззрении, но уже в деятельностном его содержании как ответственность человека за созидание гармонии с окружающим миром во все более усложняющихся условиях глобализации активности человека с тем, чтобы, говоря образно, не быть слоном в посудной лавке.

Созерцательный и деятельностный типы мировоззрения противоположны непосредственно по аксиологическому основанию, поскольку их дифференциация определяется постановкой проблемы свободы – ответственности, и они глобальны в этом отношении [см. 5, 15], ибо созерцательный тип актуален во всех культурах доиндустриального периода, а деятельностный -начинает охватывать культуру всех стран, вступающих в индустриальную эпоху. Одним из первых эту глобальную мировоззренческую трансформацию отмечает Е. Эдельсон, выразивший в середине XIX в. понимание принципиально возросшей меры ответственности человечества: «Как изменилось положение человека на земле! Каким гордым сознанием своего нового значения должен он был проникнуться! Прежде игрушка в руках мощной судьбы, которого вся забота должна была ограничиваться лишь предохранением себя и ближайшего к себе от превратностей рока, без сил влиять на далекое будущее и, следовательно, без заботы о нем – теперь он сильный деятель, стоящий лицом к лицу со всем грядущим – он сеятель жатвы, которая не погибнет, он и ответственный за будущее» [14, с. 8]. Страхов, который вступил в полемику с Эдельсоном как раз по поводу понимания генезиса и значения органических категорий, выражает глобальную мировоззренческую трансформацию с категориальной четкостью, причем сразу теоретически увязывая переход от созерцательного мировосприятия к деятельностному с усвоением органически деятельностного мировоззрения: «Так – неизменность сущности обыкновенно полагается в ее *самонедеятельном бытии*. Между тем такого бытия нет; все, что существует, существует настолько, насколько действует; самая сущность вещества состоит в его деятельности. *Деятельность* есть понятие более трудное, чем *бытие*. Бытие, так или иначе, мы можем представлять, - деятельности же вообще нельзя представлять. ... Поэтому, ограничиваясь одним представлением, материалисты и натуралисты никак не могут понять самодеятельности вещества» [12, с. 406], а заодно и то, что «...деятельность сознательную всегда можно предпочитать деятельности бессознательной» [12, с. 416].

Органический тип мировоззрения противоположен механистическому непосредственно по теоретико-методологическому основанию, а аксиологическое содержание в них выводится уже опосредованно, соответственно их основанию, как созерцательное или деятельностное. Теоретико-методологическую противоположность мировоззренческих антагонистов особенно отчетливо выразил Н.О. Лосский, подчеркнув, что в принципе существуют два миропонимания, разделяющие представителей всех философских направлений: органическое и неорганическое

(механистическое) [3, с. 339-343]: либо мир – это механизм, составленный из элементов, способных «существовать самостоятельно и совершенно независимо друг от друга, и от целого» [3, с. 340]; либо мир – это организм, где «первоначально существует целое, и элементы способны существовать и возникать только в системе целого» [3, с. 340-341]. По-другому, если с точки зрения механицизма все существует неизменно и изолированно, т.е. связи между явлениями носят чисто внешний характер рядоположенности и односторонней обусловленности, то органическое мировоззрение, напротив, воспринимает мир как внутренне единый и целостный, поскольку все элементы в нем не просто связаны, но и взаимно обуславливают друг друга, будучи открытыми самоорганизующимися и саморазвивающимися системами. Каждая из этих теоретических моделей восприятия мира выступает основанием соответствующей методологии жизнедеятельности. Уже в предисловии к первому изданию книги «Мир как целое» Страхов, раскрывая основную целенаправленность своей работы, подчеркивает теоретическое обоснование органического мировоззрения: «*Мир есть целое*, то есть он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум. *Мир есть единое целое*, то есть он не распадается на два, три или вообще на несколько сущностей, связанных независимо от их собственных свойств. ... *Мир есть связанное целое*, то есть все его части и явления находятся во взаимной зависимости. ... *Мир есть стройное целое*, или, как говорят, -гармоническое, органическое целое. ... Мир, как организм, имеет части менее важные и более важные, высшие и низшие; и отношения между этими частями таково, что они представляют гармонию, *служат* одни для других, образуют одно целое, в котором нет ничего ни лишнего, ни бесполезного» [12, с. 66-67].

Страхов теоретически отчетливо выражает историческую актуальность органического мировоззрения в наступившую индустриальную эпоху как необходимость преодоления механистической парадигмы, которая была эффективна в XVII-XVIII вв., подготавливая промышленный переворот, и становится смертельно опасной для человечества, осваивающего все более мощные виды искусственных источников энергии. В статье «Органические категории» (1860 г.), ставшей программной для российского органицизма, он пишет о том, что эти «Слова: организм, органический, развитие и пр. беспрерывно встречаются в настоящее время. Почему они употребляются и что они означают, - это вопросы, на которые не всякий употребляющий их может отвечать отчетливо» [13, с. 116]. Вступая в полемику с Е. Эдельсоном по поводу генезиса органических категорий, он обосновывает ошибочность убеждения, «что идея организма дана естественными науками» [13, с. 117]. Несмотря на всю значимость науки, «органические категории унижены таким происхождением», ибо «чтобы происхождение идеи от каких бы то ни было частных наук не было для нее унижением, нужно самые науки рассматривать как одну из сторон развития человеческого духа вообще, нужно указать глубочайшие корни самых наук. Но тогда будет ясно, что идея

коренится в духе человека вообще, а не в каком-нибудь частном знании» [Там же].

Разрешение проблемы генезиса категорий, по мысли Страхова, напрямую влияет на содержание мировоззрения: поверхностное понимание генезиса обуславливает механистичность мировоззрения, ориентированного на эмпирически повседневный уровень восприятия бытия, в чем коренится дополнительная трудность его преодоления. Поэтому с горьким недоумением Страхов восклицает: «Казалось бы, науки об организмах и должны были дать идею организма, а между тем несомненно известно, что этого нет. Даже напротив, натуралисты всеми силами вооружаются против тех самых категорий, которые входят в идею организма. Они славятся тем, что изгнали из своих наук понятие *цели* и следовательно всякой целесообразности, что уничтожили понятие *потенции*, которое являлось у них под формою жизненной силы, что не признают *совершенствования*, например отвергают большее или меньшее совершенство организмов и т.д. Вообще, натуралисты не признают ничего, что бы собственно можно было назвать органическим; в тысячах книг, с тысячи кафедр они проповедают, что они надеются, что они ожидают как лучшего результата своей деятельности – возможности *свести все явления организмов на химические и физические явления*, то есть именно на механические явления, на явления прямо противоположные органическим» [там же]. Органические категории – «столь общие и обыкновенные» [там же], утверждает Страхов, «явились в мир человеческих идей именно из этого источника, из немецкого идеализма» [13, с. 118], из «Шеллинговой и Гегелевой философии» [там же]. Только философской рефлексии под силу такие универсальные обобщения фундаментальной сущности мироздания: «Органические категории вовсе не суть понятия отвлеченные от организмов; напротив – натуралистам еще придется внести их в свое изучение органической природы. А почему организмы суть существа, в которых как бы воплощаются высшие категории – это совершенно ясно; потому что организмы суть высшие существа природы и высший организм есть сам человек, микрокосм, мера вещей, самое сложное и самое цельное из всех явлений. Но не организмы произвели органические категории; они не заключают их в себе, а только подчиняются им» [13, с. 119]. Разрешая проблему генезиса органических категорий, Страхов указывает посредством категории «микрокосм» на связь с античностью в процессе разработки органической теории как рефлексии органического мировоззрения, ставшего вновь актуальным в XIX в.

Указание на немецкую классическую философию как генетический источник органических категорий весьма знаменательно, поскольку предельно абстрактное теоретическо-методологическое ядро органического мировосприятия образует диалектика Гегеля, равно как стихийная диалектичность была присуща органически созерцательному мировоззрению античности. Теоретическая рефлексивность органического мировоззрения в XIX в. приводит к тому, что «во всех образованных литературах, простой совокупности частей противопоставляют *органическое целое*, простой связи

частей – *органическую связь*, простым переменам – *органическое развитие* и т. д.» [13, с. 118]. Теория диалектики оборачивается методологией эффективной организации человеком собственной активности, ибо учит его выявлять и созидательно разрешать противоречия в процессе деятельности. Но диалектическое учение оказывается безжизненным в сугубо рациональном, теоретическом его варианте, если оно не соединяется синергично с античным исходным смыслом диалектики как искусства сократовской беседы через противоположности рождают истину. Искусство – в противоположность объективности и рациональности теории – субъективно и иррационально. Страхов, будучи последователем Гегеля, что он и сам подчеркивал, тем не менее не удовлетворяется односторонней рационалистичностью его теории диалектики и включает в понимание единства мира как организма иррациональное содержание: «Такое единство мира можно получить, не иначе как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощения духа» [12, с. 67].

Здесь кроется исходный принцип все систематики российского органицизма [см. 4, с. 20-54] – принцип всеобщности жизни, в соответствии с которым между органическим и неорганическим, живым и неживым нет непроходимой грани. При этом неорганическое рассматривается как оцепеневшие формы жизни, как ее потенция. Одновременно данный принцип содержит в себе напряженное противоречие органического и неорганического: противоположное органическому мы обозначаем не собственным положительным термином, а отрицательным, подчеркивая тем самым ведущую, доминирующую роль жизни во всем, что нас окружает. Н. Страхов в предисловии к своей книге «Мир как целое» выявляет эту мысль: «Мир неорганический в противоположность обыкновенному мнению, есть предмет более темный, до сих пор мы не имеем даже для него положительного названия, мы знаем его только как нечто противоположное родному для нас миру жизни, и называем мы его мертвым, неорганическим. Едва ли однако ж этот мир так совершенно мертв, как мы воображаем, я старался показать, что эта мертвенность только мнимая, то есть, что мы сами создаем те отрицательные понятия, под которые его подводим. Таким образом, ... здесь нет разрыва, и ... мир есть целое» [12, с. 70-71].

Органическое мировоззрение соответствует целостности мироздания, внутреннее единство и целесообразность которого обеспечивается деятельностью человека как социального субъекта, выступающего высшим уровнем организации естественного бытия, поэтому органицизму имманентна философская антропология. В иерархии систем по степени сложности их организации особая роль отводится Страховым человеку как высшей цели эволюции Вселенной: «Мир есть целое, имеющее центр; именно он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в оно целое, он есть главная

сущность и главное явление и главный орган мира» [12, с. 67]. Таким образом, принцип всеобщности жизни конкретизируется в трактовке органического целого как сферичной целесообразности, обуславливающей философско-антропологическое содержание органического мировоззрения. Сама идея сферичности органического целого, которая красной нитью проходит через творчество российских органицистов XIX в. и находит свое полноценное завершение в концепции ноосферы В.И. Вернадского как вершине научной ветви русского космизма, возвращенного именно органицизмом, не имеет плоского геометрического смысла, а означает центрирование на самоцель естественного функционирования системы, что в координатах мироздания высвечивает космическую роль человека, который из следствия саморазвития субстанции превращается в причину ее дальнейшего саморазвития. В силу высокой степени интеграции науки и философии, достигнутой на этапе постнеклассической науки, космическая функция человека конкретизируется в системе четырех вариантов антропного принципа, входящего в содержание научной картины глобального эволюционизма. В итоге философская антропология в контексте органически космического мировоззрения фундаментально раскрывает всю меру глобальной ответственности человека за последствия его деятельности. *Органически космическое мировоззрение может быть определено как восприятие окружающего мира в форме живой синергийной целостности, в контексте которой человек как ее имманентный мыслящий субъект осознает свою глобальную ответственность за все формы жизни в зависимости от уровня ее организации.*

Ключевая роль принципа всеобщности жизни в переходе от механистически созерцательного к органически деятельностному типу мировоззрения проявилась уже в XVIII в. в «коперниканском» перевороте И. Канта, который в своей ранней работе «Мысли об оценке живых сил» (1746 г.) предлагает теоретическое обоснование необходимости преодоления механистической парадигмы, утверждая, что наступило время «для защитников живых сил» [2, с. 61], присущих любому «естественному телу», ибо оно «обладает способностью самостоятельно увеличивать в себе силу, возбужденную в нем извне причиной его движения, так что в нем могут оказаться степени силы, которые не были вызваны внешней причиной движения, и притом большие, чем эта причина, не поддающиеся, стало быть, измерению той мерой, которой измеряется картезианская сила, и требующие иной оценки» [2, с. 80]. Дифференцировать механистическое и органическое мировоззрение немецкий классик пытается посредством введения понятия «активная сила» в отличие от содержания понятия «движущая сила», подразумевающего чисто механическое движение. В этой связи Кант пишет: «Движение есть только внешнее проявление состояния тела, так как хотя тело не действует, но стремится действовать; однако, когда из-за какого-нибудь предмета оно внезапно теряет свое движение, оно в момент приведения его в состояние покоя действует. ... поэтому силу тела следовало

бы вообще скорее назвать *vis active* [активная сила], чем *vis motrix* [движущая сила]» [2, с. 64].

Страхов, признавая «коперниканский» переворот И. Канта [12, с. 66], тем не менее, не удовлетворен таким сугубо рационально теоретическим подходом к раскрытию всеобщности жизни и в духе отечественной ментальности настаивает на более глубоком постижении этого принципа, по сути, в синергии рационального и иррационального: «Известно, что динамическая теория вещества считает сущностью не вещество, а силы; вещество по этой теории само происходит от взаимодействия двух сил, притягательной и отталкивающей. Но этого мало. Нужно найти силу в полном смысле живую, т.е. внутреннюю, не механическую; ... Чтобы понять жизнь вещества, нужно проникнуть в эти внутренние биения его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокие движения его сущности. Только тогда можно будет рассматривать мир как одно целое, как гармоническую сферу» [12, с. 406].

Очевидно, что вызревающая в связи с промышленной революцией рубежа XVIII-XIX вв. историческая потребность в возрождении органического мировоззрения, но не в созерцательно античном, а деятельностном содержании, осознается по-разному в контексте западно-европейской и российской ментальности. Удовлетворение этой потребности осуществляется в XIX в. в философии позитивизма и русского органицизма, дающего рождению русского космизму. В силу духа западно-европейского рационализма и сциентистского активизма классический позитивизм редуцирует рефлексию органического мировоззрения к физикализму и биологизаторству. В то время как в русском органицизме, обуславливаясь исторической молодостью русской культуры по сравнению с Западом и Востоком и вытекающим отсюда духом соборности и софийности, данная рефлексия приводит к гармонически целостному мировоззрению, творчески обосновывающему в лице Н.Н. Страбова, и не только, синергию высших идеалов Блага, Истины, Красоты и Святости. Русские мыслители позитивистскому стремлению рассматривать мир плоско, только с научной точки зрения, и формировать мировоззрение исключительно на данных точных наук противопоставили полнокровное восприятие мира, «признающее самую жизнь мерилom жизни, и потому взирающее на науку, лишь как на один из формальных элементов жизни» [6, с. 31]. При этом Н.Н. Страхов не приуменьшил, а наоборот адекватно возвысил значение науки: «Наука, конечно, стремится к познанию истинно сущего; но она определяет это сущее *только отрицательно*. Она есть постоянное *разоблачение* мира, постоянное снятие с него форм и красок, в которые он для нас облекается или, лучше, мы сами его облекаем» [10, с. 130]. Цель науки: «*сознательно выделить все отрицательное и, следовательно, сознательно стать лицом к лицу перед положительно-сущим*» [там же]. Только при этом условии можно почувствовать за мертвенностью *сухой науки теплую струю духовной жизни* и понять науку как принадлежащую «к тем деятельности, которые ведут человека к исполнению его назначения; она не только есть чистое дело, - она есть *дело святое*» [там же].

Актуальность органического мировоззрения, только возросшая в наше время, как нельзя лучше, выражена в словах Николая Николаевича: «Механические категории господствуют и доньше с большою силою и не только в естественных науках, но и во всех областях знания. На них опирается то учение, что даже в человеческом мире все зависит от обстоятельств, от предшествовавших влияний, от среды, что с человеком и с целым народом можно поступать так, как мы поступаем с камнем и металлами, то есть сделать из них то, что пожелаем сделать» [13, с. 118].

Список литературы

1. Бердяев, Н. Человек и машина: проблема социологии и метафизики техники [Текст] / Н. Бердяев // Путь. – 1933. – № 38. – С. 3-38.
2. Кант, И. Мысли об оценке живых сил [Текст] / И. Кант // Кант И. Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса [и др.] – Москва, 1963-1966. – Т. 1. – 1963. – С. 51-82.
3. Лосский, Н.О. Мир как органическое целое [Текст] / Н.О. Лосский // Лосский Н.О. Избранное. – Москва, 1991. – С. 337-480.
4. Маслобоева, О.Д. Российский органицизм и космизм XIX-XX вв.: эволюция и актуальность [Текст] : учеб. пособие / О.Д. Маслобоева. – Санкт-Петербург, 1995. – Ч. 1. – 67 с.
5. Маслобоева, О.Д. Глобальный тип мировоззрения [Текст] / О.Д. Маслобоева // Глобалистика = Global studies : междунар. междисциплинар. энцикл. словарь / гл. ред. и сост.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – Москва [и др.], 2006. – С. 240.
6. Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов [Текст] : критико-биогр. очерк / Б.В. Никольский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1896. – 56 с.
7. Снетова, Н.В. Н.Н. Страхов как философ [Текст] / Н.В. Снетова // Вестник Оренбургского государственного университета. Прил. Гуманитарные науки. – 2005. – № 4. – С. 11-16.
8. Страхов, Н.Н. Письмо Н.Н.Страхова М.Н.Каткову от 21 авг. 1861 г. [Текст] / Н.Н. Страхов // Труды отдела рукописей РГБ. – Ф. 120. Копии писем к М.Н. Каткову. – № 21.
9. Страхов, Н.Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании [Текст] / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1865. – XII, 185 с.
10. Страхов, Н.Н. О вечных истинах [Текст] : мой спор о спиритизме / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1887. – XXXVIII, 130 с.
11. Страхов, Н.Н. Значение гегелевской философии в настоящее время [Текст] / Н.Н. Страхов // Страхов Н.Н. Философские очерки. – Санкт-Петербург, 1895. – С. 51-99.
12. Страхов, Н.Н. Мир как целое [Текст] : черты из наук о природе / Н.Н. Страхов. – Москва : Айрис-Пресс, 2007. – 570 с.
13. Страхов, Н.Н. Органические категории [Текст] : по поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма». Библиотека для чтения. 1860. № 3 / Н.Н. Страхов // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 116-124.
14. Эдельсон, Е. Идея организма и ее положение в различных сферах знания [Текст] / Е. Эдельсон // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 1205. – Оп. 1. – № 144.
15. Masloboeva, O. Clobal World Outlook [Text] / O. Masloboeva // Global Studies: Encyclopedic Dictionary / eds.: A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay. – Amsterdam ; NewYork, 2014. – P. 226-228.
16. XXIV World Congress Philosophy, Beijing, 13-20 August 2018 [Electronic resource] / International Federation of Philosophical Societies, Peking University. – Beijing, 2018. – Mode of access: <http://wcp2018.pku.edu.cn>.

References

1. Berdyaev, N. *СНеловек i mashina [Tekst] : problema sociologii i metafiziki tekhniki / N. Berdyaev // Put'.* – 1933. – № 38. – S. 3-38.
2. Kant, I. *Mysli ob ochenke zhivyyh sil [Tekst] / I. Kant // Kant I. Sochineniya : v 6 t. / pod obshch. red. V.F. Asmusa [i dr.].* – Moskva, 1963-1966. – T. 1. – 1963. – S. 51-82.
3. Losskij, N.O. *Mir kak organicheskoe celoe [Tekst] / N.O. Losskij // Losskij N.O. Izbrannoe.* – Moskva, 1991. – S. 337-480.
4. Masloboeva, O.D. *Rossijskij organicizm i kosmizm XIX-XX vv.: ehvolyuciya i aktual'nost' [Tekst] : ucheb. posobie / O.D. Masloboeva.* – Sankt-Peterburg, 1995. – CH. 1. – 67 s.
5. Masloboeva, O.D. *Global'nyj tip mirovozzreniya [Tekst] / O.D. Masloboeva // Globalistika = Global studies : mezhdunar. mezhdisciplinar. ehncikl. slovar' / gl. red. i sost.: I.I. Mazur, A.N. СHumakov.* – Moskva [i dr.], 2006. – S. 240.
6. Nikol'skij, B.V. *Nikolaj Nikolaevich Strahov [Tekst] : kritiko-biogr. ocherk / B.V. Nikol'skij.* – Sankt-Peterburg : Tip. A.S. Suvorina, 1896. – 56 s.
7. Snetova, N.V. *N.N. Strahov kak filosof [Tekst] / N.V. Snetova // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pril. Gumanitarnye nauki.* – 2005. – № 4. – S. 11-16.
8. Strahov, N.N. *Pis'mo N.N.Strahova M.N.Katkovu ot 21 avg. 1861 g. [Tekst] / N.N. Strahov // Trudy otdela rukopisej RGB.* – F. 120. Kopii pisem k M.N. Katkovu. – № 21.
9. Strahov, N.N. *O metode estestvennyh nauk i znachenii ih v obshchem obrazovanii [Tekst] / N.N. Strahov.* – Sankt-Peterburg : Tip. EH. Praca, 1865. – XII, 185 s.
10. Strahov, N.N. *O vechnyh istinah [Tekst] : moj spor o spiritizme / N.N. Strahov.* – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1887. – XXXVIII, 130 s.
11. Strahov, N.N. *Znachenie gegelevskoj filosofii v nastoyashchee vremya [Tekst] / N.N. Strahov // Strahov N.N. Filosofskie ocherki.* – Sankt-Peterburg, 1895. – S. 51-99.
12. Strahov, N.N. *Mir kak celoe [Tekst] : cherty iz nauk o prirode / N.N. Strahov.* – Moskva : Ajris-press, 2007. – 570 s.
13. Strahov, N.N. *Organicheskie kategorii [Tekst] : po povodu stat'i g. EHdel'sona «Ideya organizma». Biblioteka dlya chteniya. 1860. № 3 / N.N. Strahov // Voprosy filosofii.* – 2009. – № 5. – S. 116-124.
14. Masloboeva, O. *Global World Outlook [Text] / O. Masloboeva // Global Studies: Encyclopedic Dictionary / eds.: A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay.* – Amsterdam ; NewYork, 2014. – P. 226-228.
15. XXIV World Congress Philosophy, Beijing, 13-20 August 2018 [Electronic resource] / International Federation of Philosophical Societies, Peking University. – Beijing, 2018. – Mode of access: <http://wcp2018.pku.edu.cn>.

УДК 130.2”929Страхов

Могилевич И.М., Денисова И.М.

*ГБОУ «Вторая Санкт-Петербургская Гимназия»,
г. Санкт-Петербург, Россия*

К БИОГРАФИИ Н.Н.СТРАХОВА – СТУДЕНТА ГЛАВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВТОРОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу архивных документов, позволивших не только выявить новые сведения о жизни Н.Н. Страхова в 1845-1862 годы, подвергнуть критике давно используемые публикаторами сведения о нём, но и обобщить материал о становлении психологического облика критика и философа.